

Алексей Олексюк

ЛОВЦЫ СНОВ

Алексей Олексюк

ЛОВЦЫ СНОВ

<https://litres.ru/74105253>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ловцы снов» — это история о взаимосвязи двух миров: яви и скрытой от глаз навигации, где судьба человечества зависит от чистоты наших сновидений. Случайная встреча молодого парня и старого полковника становится началом пути к вершине Мирового Древа, к спасению его от надвигающегося Хаоса. Это философское фэнтези о поиске смысла жизни и ответственности каждого за будущее, которое мы видим во снах.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алексей Олексюк

ЛОВЦЫ СНОВ

Глава 1

Казанский вокзал накрыт волнистым навесом. И волнение охватывает пассажиров, сходящих с поездов, входящих с улицы, сидящих на вещах, спешащих, мельтешащих, ожидающих, сходящихся и расходящихся, находящихся в непрерывном броуновском движении. Каждый из этих атомов пролагает свою траекторию. У каждого своя цель. Иногда их траектории совпадают и тогда незнакомые друг с другом люди вдруг видят себя в одном вагоне или в одном зале ожидания. Но чаще они сталкиваются, не замечая, замечая и мгновенно забывая, не забывая, но ничего не зная, не зная, но задевая – сотни, тысячи пересечений в час, беглых, ничего не значащих и неизбежных, как бег времени, педантично отмечаемый световым табло с расписанием.

Казанский вокзал кипит гигантским казаном на равномерном огне повседневности. Живая иллюстрация к гераклитовой диалектике: река, в которую невозможно войти дважды...

Полковнику претила суета. Он с удовольствием уклонился бы от поручения, но поручни эскалатора уже прочно стиснули его в некотором подобии упорядоченного армейского строя, нарушаемого лишь беглыми бликами вечно спешащего студенчества – сигающего через сумки-ноги-руки выше и нижестоящих.

«Вот оно – «племя младое, незнакомое»», - подумалось невольно, - несётся сломя голову... Но что несёт оно там – в голове? Окромья ветра и тестостерона? Или это старческое брюзжание? Может, я просто завидую их возможности двигаться в любом направлении, покуда сам тащусь в общем потоке?»

Он ведь тоже был молод, тоже подпирал спиной стены в подъездах, слонялся с гитарой за спиной по огромному городу, не зная куда себя применить... Жизнь лилась шампанским, опьяняла, но не наполняла ничем, кроме кислого перегара с утраца... Томило его тогда это бесцелье... А этих – сигающих, аки сайгаки али сиви во время нереста – их томит? Вопрос...

С облегчением выбрался полковник на свет божий, на серенькую, заштрихованную мелким снежком улицу и направился к вокзалу. Тот учуял полковничью поступь, окликнул её требовательным гудком. И поступь невольно заспешила туда - под волнистый навес дебаркадера, к немолчному людскому гулу, в котором растворилась аки в нирване...

«Принесла же нелёгкая этого студиозуса», - бурчал мыс-

ленно полковник и тут же укорил себя: «А чего злиться-то? Дело житейское. Парню надо куда-то пристроиться на первое время. Известно, к родне».

Мысли полковника были просты и отрывисты. Так же, как проста и звучна была его фамилия – Петров. В отличие от замысловато-напевной у жены – Фамагуста. Капитолина Платоновна Фамагуста! Что-то средиземноморское (или среднеазиатское?) чувствовалось в ней. Кстати, та же редкая фамилия значилась в документах патлатого паренька, озиравшего с напускной важностью и неподдельной настороженностью высь и даль и гул огромного вокзала, в который вонзился с разбегу зелёный запыхавшийся поезд, запылённый за долгий путь аж из-за Урала. Здесь кончалась Россия – под этим навесом. Дальше ехать некуда... Да и незачем.

У ног паренька примостилась объёмная сумка с пожитками. А плечи оттягивал не менее объёмный рюкзак. Кто-то толкнул его, довольно профессионально – всем корпусом. И недовольно пробурчав с кавказским акцентом: «Понаехали тут!» - растворился в толпе.

Запнувшись о собственную сумку, паренёк едва не улетел с перрона под колёса. Удержала чья-то крепкая рука, ухватив за широкий рукав «толстовки» чуть повыше локтя.

- Павел? – скорее уточнил, нежели спросил командный голос.

Паренёк обернулся. Рядом с ним стоял статный брюнет в добротной двубортной куртке и брюках с идеальными стрел-

ками. Поскольку дядю своего видел Паша дотоле на фотографиях да на экране смартфона, то представление о нём составил весьма туманное.

- Здравствуйте, - Паша пожал показавшуюся ему железобетонной ладонь.

- Будь здоров, - с напускной небрежностью поприветствовал его полковник, неодобрительно поглядывая на длинные волосы и серьгу в ухе (пирсинг Паша предусмотрительно вынул ещё в поезде, расцарапав из-за тряски бровь).

Шум вокзала мешал говорить, приходилось повышать голос почти до крика.

- Проголодался?

- Нет, - соврал Паша. – Я в поезде поел.

- Знаю я, как ты поел! – отмахнулся бывалый служака и, легко подхватив Пашину сумку, зашагал вдоль перрона. – Идём: тут поблизости есть где «подзаправиться».

Минут через пять они вошли в типичную советскую столовую, лишь слегка подлатанную пластиком и тем самым безнадёжно испорченную. Но «порча» касалась только внешнего вида. Устой советского общепита здесь блюлись в ветхозаветной неприкосновенности: готовили строго по «Сборнику рецептур блюд и кулинарных изделий для предприятий общественного питания» 1982 года издания. Получалось почему-то невероятно вкусно. Она книжица висела на самом видном месте, рядом с девственно-чистой «Книгой жалоб и предложений».

От запаха жареных котлет Пашин желудок свело сладострастной судорогой.

Столовая была устроена по принципу самообслуживания: посетители (всё больше студенты близлежащего учебного заведения) брали пластиковые подносы, подносили их к витрине с яствами, выбирали что-то по вкусу и по карману, перемещались к кассе, расплачивались и отходили к свободному столику.

Впрочем, со свободными столиками была загвоздка. Не то, чтобы их не было вовсе. Периодически кто-то, насытившись, отчаливал восвояси, оставляя место для приёма пищи следующим посетителям, которые незамедлительно плюхались за усыпанную крошками и политую чем-то липким столешницу, оставляя менее проворных (или менее наглых) стоять в растерянности, моститься на подоконнике либо выходить с подносами на улицу, ища пристанища на лавочках, на парапете фонтана и просто на бордюре.

Пока Паша и полковник расплачивались на кассе, как раз освободился один столик у входа. Но едва они тронулись к нему, как в зал вошли (или ввалились?) три мускулистые туши. Ни дать, ни взять – «трое из ларца, одинаковых с лица». Все трое походя скинули свои рюкзаки на столик и прошли к стойке самообслуживания. Паша поспешно замер. Полковник даже не замедлил шага. Он ловко поставил поднос на столик, следующим движением ухватил рюкзаки (все три одной рукой) и отнёс на кассу.

- Возьмите, кто-то забыл

Парни в очереди открыли рты, готовые возмутиться, но полковник смерил их таким пристальным взглядом, что те замерли с подносами в руках.

«Тоже мне Рэмбо», - с неодобрением подумал Паша, хотя представившейся возможностью присесть за отвоёванный столик воспользовался незамедлительно. Было приятно в тепле и относительном комфорте наворачивать купленный полковником борщ со сметаной и говяжью котлету с картофельным пюре, пить прохладный клюквенный морс, ведя попутно ни к чему не обязывающую беседу.

- Куда поступать думаешь? – спросил полковник, ограничившийся стаканом чая с пирожком, который он брал слегка брезгливо салфеткой.

- Думаю ещё, - ответил будущий студент, прожёвывая слова вместе с пищей.

- Склоняешься к чему?

- Мне музыка нравится.

- Музыка? Ну-ну...

- В консерваторию хотел. Но родители против.

- Правильно, что против. Разве это профессия – музыкант? Так, увлечение, хобби... Я, например, люблю играть в шахматы, однако семью этим не прокормишь.

«Отчего же?» – хотелось возразить Паше. – «А Фишер? А Карпов? Или Карлсен?» – но после сытной еды было лень спорить, поэтому мысль не покинула пределы черепной ко-

робки.

- Все сейчас ищут лёгких путей: хотят стать юристами или экономистами, - продолжал бурчать полковник.

Даже сидя он сохранял идеальную выправку и отрывистость жестов. Таким отрывистым жестом поставил он допитой стакан, скомкал пропитавшуюся жиром салфетку и задумчиво постукал пальцами по столешнице.

- Про физмат не думал?

Вместо ответа Паша промямлил что-то неудобоваримое.

- По математике что было в школе? – продолжал свой допрос с пристрастием полковник.

- Ничего хорошего.

- Что так?

- Я гуманитарий.

- Чушь! Ты гуманоид! И всё! Нет никаких гуманитариев, технарей, физиков, лириков... Любой человек в состоянии выучить высшую математику, если приложит усилия.

- Зачем?

- Что «зачем»?

- Зачем прилагать усилия, если есть это...

Будущий студент вытащил из кармана сотовый телефон.

- Но чтобы сдачу посчитать ты же не будешь его каждый раз доставать? – полковник поёжился, взглянув на тёмный экран ненавистного ему прибора. – Таблицу умножения, слава богу, выучил.

- Не выучил.

- То есть? Как это?

- Обыкновенно. Начало ещё помню, а вот после пяти путаюсь.

- Как же ты считаешь?

- А тут, - Паша что-то нажал в сотовом телефоне, - есть калькулятор.

- Но это же костыли. Надо уметь ходить своими ногами...

- А зачем? – осмелел Паша. – Зачем писать от руки, если можно набрать на клавиатуре? Удобнее же.

- Да, удобнее: и считать, и писать... И думать за нас будет компьютер. Не боишься, что эта штука, - полковник посту- чал пальцем по экрану Пашиного телефона, - и музыку за тебя будет исполнять? Как там, в фильме было? «Скрипач не нужен!»

- Вы утрируете. Компьютер всего лишь инструмент. Про- гресс неотвратим. Никто сейчас не пишет гусиным пером

- Я пробовал...

- Что?

- Однажды я пробовал писать гусиным пером. Из любо- пытства... Это оказалось непросто.

- Вот видите! – обрадовался Паша.

- Ничего не вижу, - отмахнулся от его возгласа, как от му- хи, полковник. – Просто навык утрачен. Человеку из XIX века набрать текст на клавиатуре было бы невероятно слож- нее, чем написать пером.

И он принялся собирать грязную посуду на поднос, давая

понять, что тема закрыта:

- Пошли, скрипач!

Метро... Гул и шум, сухость губ и глаз, напряжённое глухое гудение механизмов; Паша оплошал с турникетом: ткнул карту не с той стороны от себя; открылся соседний проход; поток, стекавший с эскалатора, растекавшийся по платформе и вновь уплотнявшийся в переходе между станциями; стальные пазы, в которые уходят створки гигантских ворот, сжимающие сердце предчувствием аварийных сирен... Но вместо сирен в переходе играла скрипка. Хрупкая девушка в балахоне, похожем на пончо, играла адажио Альбинони. Сухой ветер обдувал её, колыхал складки балахона и волосы. А волглый звук скрипки стекал со смычка, едва ощутимо касался слуха, заставляя всколыхнуться сердце, перехватывая дыхание. Паша попытался сглотнуть, но во рту пересохло, и он лишь нервно облизнул губы.

Когда они вынырнули на поверхность, уже заметно стемнело. И похолодало. Белый пар вырывался вместе с дыханием. Толпа вынесла их к шоссе, но затем стала редеть, рассредоточиваясь по отдельным кварталам, дворам, домам... Паша с любопытством провинциала озирался по сторонам: даже типовые панельки обычного «спального района» казались ему необычными. Можно было, например, на ходу заглянуть через окошко на уровне тротуара в лестнич-

ный пролёт и увидеть там лестницу, ведущую вниз, и внизу выложенный в шахматном порядке жёлтой и коричневой плиткой пол, а на полу прозрачную лужицу. Тусклая лампочка таращилась из лужицы на Пашу. Она освещала водянистым электрическим светом входные двери и часть лестницы: боковых стен и потолка не было видно с этого ракурса. Кто-то спроектировал дом на склоне холма... на самом склоне советской эпохи.

Ещё одно обстоятельство поразило Пашино воображение – наличие при входе консьержки. Он меньше удивился бы, столкнувшись в подъезде с Кощеем Бессмертным. На сказочного злодея тщедушная старушка не тянула (ну, разве что худобой), но само её присутствие в тесном закутке – перед лестницей, слева от входа, там, где будущий студент привык видеть только пьяные компании, заскочившие погреться в мороз, да облезлых кошек, забредших по той же причине и справляющих нужду так же непринуждённо, как и пьяные компании – заставило Пашу почувствовать лёгкий холодок под сердцем. Впрочем, холодок мог проникнуть из-за плохо прикрытой входной двери.

За исключением лужицы у входа в подъезде было чисто. Все лампы целые. У каждой двери – коврики для ног. На окнах выцветшие, но опрятные занавески. На подоконниках – горшки с хлорофитумом. Паше почему-то мучительно захотелось напакостить: нацарапать что-нибудь на штукатурке или сунуть фантик от конфеты в замочную скважину...

Полковник отворил стальную дверь и посторонился, пропуская гостя вперёд. Пахнуло сухим деревом, штукатуркой и... застоявшимся благополучием, смешанным с ароматом крепкого, настоявшегося чая. Широкая прихожая встретила Пашу высокомерием трёхметровых потолков и высоколобым апломбом старых книг в истёртых переплётах. Вместо гардероба здесь высился книжный шкаф. Одежду же приходилось цеплять на обычную «рогатую» вешалку, какие стоят в офисах. Пристраивая свои пожитки (рюкзак и сумку) так, чтобы они никому не мешали, гость заметил боковым зрением как тень от книжного шкафа внезапно зашевелилась, от неё отпочковался массивный сгусток, принявший форму большого серого кота с невозмутимой мордой буддийского монаха. В прихожей враз стало тесновато.

- Брысь! – скомандовал полковник, не глядя на животное. Кот лениво отошёл на пару шагов, окинул Пашу оценивающим взглядом и издал звук, похожий на тяжкий вздох разочарования.

- Не бойся, - сказала появившаяся из глубины квартиры тётя Капа. – Вергилий у нас философ, он не снисходит до драки с двуногими.

При всей доброжелательности и некоторой суетливости, она почему-то насторожила Пашу даже больше, чем полковник. В её близоруких глазах за стёклами очков читалась графитная твёрдость.

«Ну и семейка: дядя – солдафон и тётя – пиратская капитанша», - мысленно вздохнул Паша.

- Проходи на кухню, поужинаешь с нами, - пригласила «пиратская капитанша».

- Да мы уже перекусили по дороге, - сообщил полковник, оглаживая размурчавшегося кота. – Ты Вергилия кормила?

- А то! Этот с голоду точно не помрёт. Сегодня учудил, - голос у тётки Капы был грудной, мягкий, но с какими-то проскальзывающими звенящими нотами, как будто ударяют молотом по стальному листу. - Я купила пол кило сельди, положила её в таз с водой, чтобы не такая солёная была. Захожу минут через десять, а этот... стоит на задних лапах и лакает воду из тазика. Всю уже почти вылакал... Раздулся, как рыба-шар... Смотрит грустными глазами на вожделенную сельдь чуть не плача, а есть-то её уже некуда... На пол плюхнулся так, что целая лужа под ним растеклась: аж из ушей вода брызнула.

Полковник расхохотался – заливисто, заразительно. Никак Паша не ожидал от него такого смеха.

- Ишь удумал! Это ж кошачий гений! – выдохнул, наконец, хозяин квартиры и, пройдя в гостиную, повалился в кресло, поверженный собственным неуёмным весельем. – Нужно было его не Вергилием, а Эйнштейном назвать.

- Чингисханом нужно было его назвать, - заявила появившаяся за спиной тётки Капы, вихрастая огненно-рыжая девушка. В руках она держала раскрытый ноутбук – классиче-

ский представитель поколения, для которого интернет был продолжением нервной системы.

- Привет, Белка! – слегка махнул рукой полковник. – Проходи, с братом поздоровайся.

Паша не знал, что у его двоюродной сестры Кати домашнее прозвище – Белка. Да и саму сестру толком не знал, хотя они изредка переписывались, но общих интересов не было, так что переписка ограничивалась необязательно-дежурными вопросами: «Как у вас погода? Как там дядя с тётёй? Куда собираетесь летом?» Знал только, что учится она на менеджера, подрабатывает продавцом в каком-то торговом центре, увлекается компьютерными играми и... ещё чем-то компьютерным, названия чего он даже запоминать не стал.

Чай пили в столовой. Фарфоровые чашки негромко стучали о фарфоровые блюдца. Тикали старые ходики на стене. Нежные кремовые шторы создавали уют, словно ограждая сидевших за столом от огромного, бесконечного мира за окном.

Вергилий валялся у батареи, выставив упитанное белёсое брюхо. Он единственный не принимал участия в завязавшейся дискуссии.

- Не понимаю я тебя, Паша, - полковник пристукнул ложечкой о край чашки, сбив пару капель с черпала, и аккуратно положил столовый прибор на скатерть. - Зачем цепляться за иллюзию всеобщего равенства, если этого равенства в природе не существует? Мир всегда был и будет пира-

мидой. Пищевой, эволюционной, социальной – не суть важно. И кто-то всегда будет на вершине, а другие - у подножия.

- Социальный дарвинизм, - констатировал будущий студент, терпеливо ожидавший пока чай подостынет.

- Это не дарвинизм, это жизнь.

Катя, не отрывавшаяся от монитора (она и чай пила, поставив ноутбук на стол), добавила в этот словесный бульон свою порцию сарказма:

- Пап, это не жизнь, а эксплуатация человека человеком. Ваша «пирамида» держится на том, что верхние живут за счёт нижних. И вообще: почему общество должно быть непременно в виде пирамиды? Почему не шара? Или ленты Мёбиуса?

Полковник возразил спокойно и веско:

- Согласитесь, что для равенства нужны одинаковые данные по обе стороны уравнения. Или хотя бы одинаковая сумма данных. А у нас одни люди глупее, другие умнее, одни трудолюбивые, другие – ленивые, одни с амбициями, другие – приземлённые, в конце концов – кто-то здоровый, а кто-то больной или инвалид... Как вы их уравниваете?

Паша вдруг почувствовал, что должен попытаться примирить две крайности. Очень уж хотелось блеснуть умом... перед Катей. Мол, мы в провинции тоже не лыком шиты.

- Послушайте, - начал он, смущённо теребя край скатерти, - абсолютное равенство, конечно, недостижимо. Но должно быть равенство возможностей. Должны быть «социальные

лифты». Должен оставаться стимул двигаться вверх. Прогресс – это всегда недовольство текущим положением, это вечная гонка за лидерами.

- Стимул к прогрессу или стимул к наживе? – не глядя на собеседника спросила Катя. – Мы живём в мире, где ценность человека определяется размером его счёта в банке. Ты лидер, если ты в списке «Forbes». И попадают туда не за заслуги перед прогрессом!

Честно говоря, Паша не нашёлся, что ответить на это. А вот полковник не только нашёл контраргументы, но и выложил их как опытный картёжник набор козырей.

- А что предлагаешь ты? – он подался вперёд, его глаза азартно блеснули. – Вслед за Шариковым всё разделить поровну? Человеческая природа от этого не изменится: всегда будут лентяи, пьяницы и глупцы! Их станет даже больше, потому что, как верно заметил Паша, пропадёт стимул к развитию. Зачем напрягаться, если все блага делятся поровну! В семнадцатом попытались разок воплотить эту утопию в реальность и что вышло? Через семьдесят лет всё вернулось на круги своя...

- Не всё! – упрямо заметила Катя.

Спор накалялся. Тётя Капа, дотоле молча разливавшая чай, едва заметно улыбнулась уголками губ:

- Опять вы пытаетесь перестроить мир с помощью слов.

- «Я знаю силу слов...», - тут же процитировал Паша, но осёкся. Ему показалось, что желтоватый воздух в комнате

сгустился, дышать стало трудно: дыхание внезапно превратилось в работу, от которой напрягались мышцы и неприятно саднило в груди.

Вергилий приподнял голову: его уши развернулись в противоположные стороны, слегка подрагивая. Кот издал длинный, хриплый, почти жалобный вздох.

И тогда Паша услышал едва уловимый звук, похожий на отдалённое гудение высоковольтной линии. С каждой секундой гул нарастал: он не становился громче, скорее ширился, глубже проникал в пространство, вибрируя уже не только в воздухе, но и в стенах просторной квартиры.

Полковник продолжал что-то доказывать, Катя сердито стучала по клавишам, тётя Капа убирала со стола кружки. Для них этот странный звук, казалось, не существовал вовсе.

Паша замер, невольно схватившись за край стола. Гул стал похож на звук гигантской басовой струны, и от этого звука комната начала едва заметно подрагивать. Или это так казалось от нервного тика в глазу? Он обернулся к окну: стекло жалобно дребезжало в раме, хотя на улице никаких признаков бури не было.

- Ты слышишь? – тихо спросил Паша у Кати, чувствуя, как холодеют кончики пальцев, сжимавших скатерть.

Катя вскинула на него вопросительный взгляд, но ничего не сказала. В её чуть вытянутом лице и вправду было что-то напоминающее белку. Ещё бы растрёпанные волосы собрать в два торчащих, как уши, хвостика...

В тот же миг вибрирующий звук оборвался так же внезапно, как и возник. Воздух размяк и разрядился. Паша вздохнул полной грудью и унял сердцебиение. Вергилий тоже расслабился, вернувшись в прежнее желеобразное состояние. «Что за чертовщина?» - подумал будущий студент. – «Видимо переутомился я с дороги».

Вечер закончился тихо. Даже патриархально, если можно так выразиться. Тётя Капа устроила Пашу на старом диване в гостиной, выдав ему комплект постельного белья. Полковник лишь хмыкнул, бросив на прощание: «Отбой, скрипач! Утро вечера мудренее», и скрылся в своей спальне.

Паша огляделся. Гостиная напоминала антикварную лавку. Или библиотеку. Или библиотеку в антикварной лавке: книжные полки уходили под потолок, а между ними на стенах висели странные, по большей части абстрактные картины, от которых слегка кружилась голова. Над диваном, где разместился Паша, виднелся кожаный обруч с перьями и бусинами – ловец снов, привезённый полковнику кем-то из сослуживцев, побывавших в индейской резервации во время командировки в Штаты.

Паша быстро застелил диван и, раздевшись, нырнул под одеяло. Сон никак не шёл к нему. Голова гудела от обилия впечатлений. Паша ворочался, чувствуя себя чужеродным телом в этой огромной квартире, в этом мире костяного фарфора, старых книг, современных картин и полувоенной вы-

правки. Яркая луна за тюлевой занавеской беспокоила его своим светом. Невольно вспомнился дом, мама, отец... Они, возможно, сейчас смотрят на ту же луну и... Но Паша усилием воли отогнал от себя знакомые образы, чувствуя как непроизвольно увлажняются глаза, а под сердцем шевелится холодной змеёй тоска. Попытался думать о завтрашнем дне, о том, в какое учебное заведение пойдёт на разведку в первую очередь. Однако от этого измаялся ещё больше. И лишь когда лунные тени на ламинате стали казаться почти осязаемыми, он провалился, наконец, в тяжелое, вязкое забытьё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.